

ТЫ ПАРИЛ МНЕ МОЗГИ,
ТЕПЕРЬ ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ

С легким паром, **МАРГО**
ЛАВАНДА

ИЗМЕНЩИК!

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Марго Лаванда

С легким паром, изменщик!

«Автор»

2026

Марго Лаванда

С легким паром, изменщик! / Марго Лаванда — «Автор», 2026

– Ты растолстела, Ника! Стала настоящей клушей. Так чего ты хотела? Выглядишь как домработница! – услышала я от мужа, в бане, где застала его с дрогой женщиной! Приятельница намекнула, что муж мне изменяет, а я верить не хотела! Но все же поехала в наш загородный спа-комплекс «Туманное утро» – доказательств искать. И нашла. Теперь у него – гламурная любовница Карина Невская, которую он одаривает бриллиантами. А у меня – лишний вес, разрушенный бизнес, который сама с нуля построила и ни копейки за душой. Но я больше не та клуша, которой можно плевать в душу! Раз уж мой брак треснул в той самой бане, пора включать холодную голову. Хочешь отобрать у меня всё, Роман? Попробуй. Ты парил мне мозги? Теперь твоя очередь!

© Марго Лаванда, 2026

© Автор, 2026

Марго Лаванда

С легким паром, изменщик!

Глава 1

— Привет, Никуша. Ничего так выглядишь. После Петеньки ты поправилась, но молодец, что взяла себя в форму. Не зря я тебе на прошлый новый год подарила абонемент в наш фитнес, — тараторит Софья, когда я подхожу к ее столику в кафе.

Васнецова всегда была излишне прямолинейна, и не особенно воспитана, что уж от нее ждать. Но такая вот слабо завуалированная критика сильно меня покорила. В конце концов, я ее мнения по поводу собственной внешности не спрашивала!

Смотрю на Софью растерянно. Про абонемент — совершенно не помню. Да, у мужа Васнецовой сеть фитнес клубов “Здоровое тело”, и она не вылезает из самого крупного из них, в центре. Правда мы с подружками всегда шутим что в основном Васнецова предпочитает сидеть в фитнес кафе на первом этаже, мимо которого все посетители проходят — с раздевалки внизу, до спортзала, бассейна и разных групповых занятий. Сидит часами, стреляя глазами в красивых молодых качков. Мужу Софьи, Геннадию Алексеевичу Васнецову — почти шестьдесят. Конечно, это брак по расчету. В этом нет никаких сомнений. Как и в том, что у этой мадам предостаточно любовников.

Но эту парочку кажется все устраивает. Их брак можно с уверенностью назвать крепким. И попробуйте только намекнуть Софочке, что она не любит Геночку!

Она вас живьем сожрет и не подавится. Станете врагом номер один.

Впрочем, у меня нет привычки лезть в чужую личную жизнь. В своей бы разобраться. Дел у меня всегда по горло, огромный дом — фактически особняк. Два кота, Две собаки. Дочь Алиса девяти лет и сыночек — Петенька, ему четыре. Большой участок, ландшафтный дизайн — за ним ухаживает садовник. Еще у нас есть кухарка и горничная. Но честное слово, мне всегда забот хватает.

Недавно я обнаружила, что Роман совсем забросил мои салоны. Приехала в один, и в ужас пришла. Он опустил уровень до какой-то маникюрной в подвале! Когда я была беременна Петенькой, очень сильно уставала и муж сам предложил взять на себя весь контроль над салонами, которые я сама создавала, открывала и очень горела этим делом еще до встречи с Облонским. Тогда мне было все равно. Потом я все хотела восстановиться и вернуться к обязанностям директора... Но все никак не доходили руки.

Надо обязательно поговорить с ним об этом! Как и о том, что у нас в крыле для гостей течет крыша, и если приедет его маман — будет скандал. Я не могу заниматься всем! У Пети сопли, ну это как всегда — два дня ходим в сад, потом две недели дома на больничном. Алиса сегодня с утра отказалась ехать в школу — сказала живот болит.

А Роман только гостиницами своими интересуется.

Я на себя забила, да. Не до внешности стало, когда Петеньку родила. В моем возрасте — все отговаривали.

Даже муж не очень хотел. У него уже есть сын от первого брака.

— Ты меня вообще слушаешь? — доносится голос Софьи, о которой я и правда забыла, уйдя глубоко в свои мысли. Согласилась на ее предложение встретиться в кафе только потому что поняла — надо хоть ненадолго вырваться из быта. Иначе по уши в нем погрязну. Но, если честно, уже пожалела, что приехала. Встреча началась совсем не так как я себе представляла и выслушивать нотации Софьи по поводу моей внешности — я не намерена. Мы даже не подруги — так, дальние приятельницы, не более того. И я не поняла с чего вообще ее приветствие было таким странным и критичным.

— Извини, я наверное поеду. Надо проверить поставку оборудования в салон, и у Алисы живот болит.

— Ты же только пришла! — расстраивается Софья. — Хоть кофе выпей.

— Не против, если на вынос возьму?

— Пять минут не посидишь? — теперь уже злится. — Ладно, я хотела мягко сказать, подготовить тебя, но раз ты такая занятая и все на бегу... Не буду юлить и тянуть кота за хвост.

— Что случилось, Соф? Юлить точно не надо, — хмурюсь.

— У твоего мужа серьезный роман с одной моделью. Она снималась для рекламы нашего с Геней фитнес-клуба. Так что, как ты думаю понимаешь, инфа проверенная. Что будешь делать? — выпаливает на одном дыхании.

— Что? — хлопаю глазами.

Да уж, вот это, называется, без подготовки. Что я сделала этой Софье, что она решила вот так на меня это вывалить? Я совершенно не могу понять ее слова и что она от меня хочет! Что за глупые шутки?

— Они сейчас развлекаются в вашем загородном комплексе.

— Ты про...

— “Туманное утро”, ага. Он там часто пропадает, да?

— Откуда ты знаешь?

— Господи, Облонская, я вообще все про всех знаю!

— Рада за тебя. Но знаешь, Соф, это как минимум непорядочно, вот так лезть в чужие дела. Разве я тебя о чем-то спрашивала? Ты меня позвала просто кофе попить...

— Тебе муж изменяет, а ты меня на мораль разбираешь? Seriously??? — психует Софья, явно ожидавшая другой моей реакции.

— Seriously, — мой голос звучит тихо, но твердо. — Мой муж — это моя проблема, запомни пожалуйста на будущее. И к сожалению, Софья, ты не подруга, которая хочет помочь. Ты скорее зритель, который пришел на спектакль и ждет, когда начнется самое интересное. Тебе настолько скучно стало в твоём фитнес-клубе, что решила устроить себе развлечение?

Лицо Васнецовой покрывается красными пятнами. Она откидывается на спинку стула, ее глаза сужаются а на губах появляется ядовитая улыбка. — Ой, а ты оказывается такая умная, Никуша. И такая оскорбленная невинность! Кто бы мог подумать! А я думала, ты обычная скучная клуша, зарывшаяся в быте! Только посмотри на себя! Расползлась, еле в это свое зеленое платье влезла, да? Про абонемент даже не вспомнила — да мне плевать, ходишь ты в фитнес или нет! Тебе вообще уже вряд ли что-то поможет! Забила на себя, на мужа, зарылась в детях и быте — твой выбор. Только мужа ты потеряла. Он теперь с красоткой Невской отжигает. Они не вылезают из койки в его гостинице. И я понимаю, да, что тебе лишь остается делать вид, что ты ничего не знаешь!

— Повторяю, Васнецова, не лезь к моей семье! — меня трясет. Я все равно не верю этой дуре, но какая же сволочь! Нет, подругами мы никогда с ней не были. Только пересекались на разных мероприятиях, которые мэр нашего городка обожает устраивать для бизнесменов и прочих небедных жителей. Роман каждый раз говорил, что мы должны там появляться, а меня тошнило от этих сборищ. Я общалась в компании таких же жен бизнесменов как и я сама. Я была интересна им — столичная фифа, таковой они меня считали, переехавшая в провинцию, за мужем.

— Ой, повторяешь? Значит, правда задела! — Софья сияет, довольная эффектом. — А лезть в твою семью, милая, никто не собирается, да больно надо! Я просто поделилась тем, что в воздухе носится. Все сплетничают и смеются за твоей спиной, я одна решила поступить честно, и вот что получаю в ответ! Твой муж ведет себя аморально, отвратительно! Да он же и не скрывается особо, Невская постоянно щеголяет в новых бриллиантах. Тачку ей подарил!

Они были на дне рождения Вавилова вместе! Похоже, Роман решил инвестировать не только в новые гостиницы, но и в новую женщину. И он на ней не экономит...

Софья обрывает фразу, но я додумываю за нее:

Не экономит — как на тебе.

И этот невыносимо жалобный взгляд!

Меня начинает тошнить!

Глава 2

Каждое ее слово бьет по вискам, как молотком.

Невская... Бриллианты... На ней он не экономит.

В мозгу, словно навязчивый ритм, стучат эти обрывки.

Роман и правда все чаще пропадал в “Туманном утре”, объясняя это важными и срочными делами. Там удобно вести деловые переговоры — если хочешь сблизиться с партнером, или “умаслить” его. После баньки, после купания в озере, рыбалки и так далее — все становится покладистее, более открытыми и дружелюбными.

Я не вмешивалась, сама ездила туда крайне редко — дом и дети отнимали все силы. Не очень хорошее самочувствие, скачки давления, апатия. Мы с мужем в последнее время отделились друг от друга — это факт, с которым я без особого успеха пыталась смириться. Потому что считала это нормой. У каждой пары бывают свои взлеты и падения, разве не так?

Однако, показывать Васнецовой, что ее стрелы достигли цели? Ни за что.

Я медленно выдохнула, собирая всю свою волю в кулак.

— Спасибо за столь отчаянную заботу о моей личной жизни, Софья, — мой голос, к собственному удивлению, прозвучал почти ровно. — Ты, как всегда, в курсе всех сплетен. Жаль, что твои таланты ограничиваются лишь их пересказом. А теперь, если позволишь, я пойду. У меня, в отличие от некоторых, есть дела.

Прямо посмотрела в ее победоносно-злое лицо. Руки дрожат, я вцепилась в ремень сумки так, что костяшки побелели. Чувство собственного достоинства не позволяло тут же, по ее указке, бросаться на поиски доказательств ее слов или закатить например по телефону мужу сцену. Софья тем временем с наслаждением наблюдает за моим шоком и явно ждет чего-то подобного.

— И что ты будешь делать? — не унимается, ее голос утратил сладкие нотки и стал жестким. — Поедешь в “Туманное утро” скандалить? Или сделаешь вид, что ничего не было, ведь это проще всего, так?

Я остановилась и обернулась. Взглянула на ее безупречный макияж, дорогой обтягивающий трикотаж. Женщина, построившая свою жизнь на браке по расчету и питающаяся чужими драмами. Разве не жалкое зрелище?

— Знаешь, Софья, я поеду проверять поставку в салон. Потом — в аптеку за лекарствами для дочери. Позвоню кровельщику по поводу крыши. А тебе советую одно: не трать больше деньги на абонементы для меня.

Развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Ее фраза догнала меня уже у двери, нарочито громкая, на весь зал:

— Ну смотри, Облонская, чтобы потом не было мучительно больно за свою гордость! Я-то помочь, поддержать тебя хотела!

Холодный осенний воздух ударил в лицо, когда я вышла на улицу.

— Беги, беги, Никуша! — ее голос звучал мне вслед. — Только помни — страус, прячущий голову в песок, тоже думает, что его не видят.

Я не стала дослушивать. Лишь в салоне своей красной БМВ, захлопнув дверь, позволила себе закрыть глаза. Тишина оглушила. Красотка Невская... Бриллианты... „Туманное утро“...

И тут до меня наконец дошло самое отвратительное в словах Софьи. Не сам намек на измену, а утверждение, что об этом уже знают все. Что я стала посмешищем. Темой для пересудов в фитнес-кафе и на тех самых светских раутах, которые ненавидела. Женой, которая зарылась в быте, пока муж “отжигает с красоткой”.

Тошнота подкатила к горлу. В голове гудело, обрывки мыслей путались и сталкивались. “Туманное утро” — гостиница, плюс большой спа-центр, бассейны под открытым небом, и крытые, с теплой водой и без. Финская баня, турецкий хамам. Любые обертывания и массажи. А еще — отличный ресторан.

Место красивое, воздух чистый, горный. Атмосфера — уютная и расслабленная. Можно снять отдельные бунгало или номер в главном пятиэтажном корпусе.

Зимой можно кататься на лыжах и сноубордах, летом есть озеро, купаться и загорать, осенью лес, где много грибов. В общем, раздолье. Сейчас октябрь и заняться особо нечем, но там даже аниматоры есть. Проводят йогу, пилатес и зумбу. Не соскучишься. Объект приносит очень хороший доход, так что то, что Облонский много времени на него тратит — неудивительно.

О чем я только думаю! Сама себе поражаюсь!

Да, я тоже не домохозяйка, вообще-то, создала свои салоны с нуля, потом пришлось продать их как готовый бизнес — я же из столицы в провинцию за мужем уехала.

Подруги, оставшиеся в столице меня не поняли. Осуждали. Пусть бы лучше Роман ко мне перебрался. Но я никого не слушала! Влюбилась в тридцать девять лет, почти в сорок, когда думала, что уже позади романтика. Что пора к пенсии готовиться.

Это правда странно, в тридцать мы думаем о старости больше, чем в сорок. Как это получается?

Я и представить не могла что судьба мне подарит двоих детей, крепкий брак... Я влюбилась в красоту природы, влилась в новое общество. С нуля опять создала салоны красоты. Не могла сидеть без дела. То есть большую часть бизнеса я продала, но что-то перевезла с собой и открыла в новом месте.

Так, снова не туда. Мозг упорно отказывается анализировать информацию по блогерше Невской. Но я слишком устала, а еще столько дел впереди! Сейчас мне точно не до бредовых сплетен. Как же хочется принять душ, смыть с себя грязь, в которую меня окунула Софья Васнецова. Если я и захочу проанализировать отношения и поведения мужа — то когда буду готова, а не когда приспичило этой сплетнице! Завожу двигатель и медленно выруливаю с парковки. Пока еду по городу, мысли крутятся вокруг последних недель. Роман и правда будто охладел в последнее время. Вспомнились его участвовавшие вспышки раздражительности, немотивированная грубость.

А что, если это не характер, а болезнь? — мелькнула вдруг спасительная, отчаянная идея. — Скачки давления, проблемы с щитовидкой... Надо уговорить его на полное обследование.

Пусть и иллюзорное, но действие. План, за который можно было уцепиться, чтобы не думать о другом — о том, что холодное, рациональное зерно в словах Софьи может оказаться правдой.

Направляюсь в сторону своего салона. Мне нужно ощутить твердую почву под ногами. Свою территорию. Все остальное — этот вихрь из обиды, стыда и ярости, придется разбирать позже. Когда не будет рядом любопытных, злорадных глаз.

Глава 3

Салон встречает меня знакомыми запахами и тишиной, царившей в пустом зале в неурочный час. Менеджер, Марина, увидев меня, засуетилась и начала лепетать что-то о несвоевременной поставке и неисправном аппарате.

— Где договор с «Венус-Стилем»? — спрашиваю, даже не снимая пальто. Голос звучит холодно и четко, без следов той дрожи, что была в кафе.

Минуту спустя уже набираю номер поставщика. Выслушав стандартные оправдания о «логистических проблемах», прерываю поток слов:

— Иван Петрович, вы мне не грузчик, чтобы говорить о пробках. В договоре черным по белому — десятого до четырнадцати ноль ноль. Десятое было вчера. Сейчас почти шестнадцать. Или товар будет здесь через сорок минут, или наш юрист отправит вам претензию, а я лично позвоню Сергею Викторовичу из «Люкса» и порекомендую им пересмотреть контракт с вами. У них, кстати, как раз идет тендер на эксклюзивного поставщика. Я жду вашего звонка через пять минут с точным временем прибытия водителя.

Положила трубку, не дожидаясь ответа. В воздухе повисла тишина. Марина смотрела на меня не дыша. Через три с половиной минуты телефон завибрировал. Водитель, как выяснилось, “случайно завернул на другой объект”, но уже выезжает. Через двадцать пять минут заказ был в салоне.

— Больше таких «случайностей» не допускать, — предупреждаю спокойно, глядя на смущенную Марину. — Ты здесь за тем, чтобы их предотвращать. Разбери поставку, сверь с накладной. Отчет — к концу дня.

Сердце опять колотится, но это уже не паника. Это другой ритм — жесткий, властный, почти злой. Тот самый, под который я когда-то строила этот бизнес. Я все еще умею это делать. И это помогает мне удержать себя на плаву в этот непростой день. Надо еще разобраться с бухгалтерией салона, но ее я возьму на дом. Потом в аптеку и домой.

Вернувшись домой, я надеялась на тишину, но вместо этого на пороге встретил привычный хаос. Лай собак, визг кота, которого Петенька таскает за хвост, и громкие голоса из гостиной.

— Это мое! Отдай!

— Сама дура! Купи себе еще!

Алиса и Артем сцепились из-за какого-то нового гаджета. Увидев меня, дочь мгновенно перешла на обиженный шепот:

— Мам, он не отдает мою беспроводную колонку!

— Я первый взял! — парирует Артем, не отрываясь от экрана телефона. — А ты — жадина!

Усталость накрыла с новой силой, но сдаваться нельзя. Ставлю сумки и прохожу в гостиную, собрав волю в кулак.

— Прекратите. Артем, отдай вещь сестре и извинись. Нельзя брать чужое без спроса, тебе это прекрасно известно. И потом, ты старше, а значит должен быть умнее. Тебе уже шестнадцать!

Парень медленно, с преувеличенным безразличием поднимает на меня глаза.

— О, главная по нравоучениям прибыла. А ты не хочешь извиниться, что врываешься и орешь? Пользуешься тем, что отца нет дома. При нем ты бы не стала так со мной разговаривать, верно?

В его тоне столько ядовитого презрения, что на миг я онемела. Видимо у парня затянувшийся переходный возраст. Роман развелся с его матерью очень давно, после была другая семья. Я — уже третья жена Облонского. Но именно мне достаются все “цветочки”. Инга, мать Артема, очень любит путешествовать, а заниматься сыном ей давно надоело. Каждый взрослый воспринимается Артемом как враг, а мачеха — так и вовсе лишний повод для бунта. Инга отлично устроилась, появляется в его жизни раз в полгода с дорогими подарками и рассказами о путешествиях, оставляя мне рутину больничных, родительских собраний и вот таких ссор.

— Я не кричу, Артем. Я требую уважения к порядку в этом доме и к сестре. И да, пока ты живешь здесь, правила общие для всех.

— Правила? — он фыркает, вставая. — Какие еще правила? Правила “делай, как я сказала, а то нажалуюсь твоему отцу”? Или правила “Алиса — принцесса, а я — так, на подхвате”? Не утомляй. У тебя своих проблем по горло, даже папа говорит, что ты вечно всем недовольна.

Его слова попадают точно в цель, в ту самую свежую рану, которую нанесла Софья. Чувствую, как кровь отливает от лица, но голос, к счастью, остается твердым.

— Разговор окончен. Колонку — Алисе. Телефон — на стол. И пока ты не извинишься, никаких гаджетов. Это не обсуждение, Артем. Это последнее предупреждение.

Мы несколько секунд меряемся взглядами. В его глазах бушует подростковый бунт, но где-то в глубине мелькнуло понимание, что сейчас я не шучу. Он ушел в свою комнату и спустя несколько минут швырнул колонку на диван и, бормоча что-то невнятное под нос, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью своей спальни.

Алиса, довольная победой, тут же притихла и унесла “трофей”. Я осталась стоять посреди гостиной, слушая, как тикают часы. Жесткость, которая сработала в салоне, здесь, дома, оставила после себя лишь горький осадок и щемящую пустоту.

— Семейство, я дома! — слышу шум открывающейся двери и голос мужа. Звон ключей от машины, бросаемых на итальянскую полированную консоль, которую я нашла в старинном магазинчике в Палермо и с любовью отреставрировала, шуршание снимаемого пальто. Сердце, только что успокоившееся после разборки с детьми, снова забило часто и тревожно. Слова Софьи, образ “Туманного утра” — все это нахлынуло с новой силой, требуя немедленного выхода.

— Ника! — его голос прозвучал из прихожей властно и недовольно. — Ты здесь?

— Да, я дома.

— Я ужасно голодный, — судя по лицу день у мужа был так себе. — Накрывай скорее на стол.

— Хорошо, конечно...

Тороплюсь на кухню и вижу картину: наша повариха, Галина Ивановна, сидит на стуле, очень бледная, одной рукой сжимая край стола, другую приложила ко лбу. На полу валяется деревянная ложка, а на плите сковорода в которой что-то шипит и пригорает.

— Галина Ивановна! Что случилось?

— Давление, голубушка... — прошептала женщина, зажмурившись. — Голова раскалывается... В глазах туман...

Галине Ивановне почти шестьдесят, но на здоровье она жалуется не так уж часто. Вот горничные в нашем доме не задерживаются, и вечно что-то с ними происходит. То одно то другое. Но тут сразу понимаю — дело серьезное. Муж кстати не раз говорил, что наша повариха слишком старовата для такой работы. Зато готовит потрясающе вкусно и очень человек хороший, душевная, ответственная и безотказная. Я ей полностью доверяю и расставаться с ней не планирую.

В этот момент в дверном проеме появляется Роман. Он уже остался в дорогой темной рубашке, слегка помятой после рабочего дня, лицо выражает усталость и легкое раздражение.

— Что тут за представление? — спрашивает, бегло окинув взглядом сцену. Его взгляд скользит по бледной поварихе, по мне, замершей в нерешительности, и останавливается на плите. — Вы не видите что горит? Ника, твою налево! И когда, собственно, ужин? Я голоден как волк.

В этой фразе — ни капли участия, ни тени беспокойства. Лишь констатация факта и претензия.

— У Галины Ивановны давление! Ей плохо!

— Значит, ужин задержится. Прекрасно, — холодно констатирует Роман, не двигаясь с места. — Разберешься тут — дай знать. Буду в кабинете, — покидает кухню.

Я бросаюсь к плите, выключаю огонь под сковородкой, потом наливаю стакан воды и достаю тонометр из кухонного ящика.

— Вот, выпейте воды, Галина Ивановна. Сейчас померим давление, — собственный голос звучит механически, отчужденно.

Глава 4

Давление оказалось и правда высоким, но вызывать врача повара отказалась. Сказала что выпьет лекарство. Я посадила Галину Ивановну на такси, пообещав оплатить больничный, и вернулась на кухню. Запах пригоревшего соуса висел в воздухе. Молча выбросила содержимое кастрюли, достала из холодильника курицу и овощи и начала быстро, почти яростно, рубить лук. Слез не было. Лишь тяжелая, каменная усталость и понимание, что разговор, который я планировала, откладывается. Сначала надо накормить семью.

Через сорок минут стол был накрыт, все семейство собралось и уплетало мою курицу в кисло-сладком соусе.

— Мам, так вкусно! — хвалит Алиса.

Роман и Артем едят молча. Муж сидит, уткнувшись в планшет. Я сижу напротив, смотрю на мужа и думаю, правда ли, что между нами теперь лежит не просто тишина. Правда ли что “Туманное утро” стало местом, где он изменяет мне? И как мне начать разговор об этом?

Я безумно устала, на автопилоте заканчиваю уборку со стола. Опустив последнюю тарелку в посудомойку, я почувствовала, как тишина дома давит на виски.

У нас с Романом с рождения Петеньки отдельные спальни. Малыш был крикливым и не давал отцу выспаться. Мы так привыкли... Теперь я понимаю что должна была подумать об этом раньше. Но я так уставала и так плохо себя чувствовала... Еще и весь дом всегда был на мне. Дети, заботы.

Закончив с уборкой заглядываю в спальню мужа, они у нас смежные.

Он сидит в кресле у окна, при свете настольной лампы, и что-то изучает в бумагах. Свет выхватывает из полумрака его профиль — знакомый, любимый и вдруг бесконечно чужой.

— Ром? — мой голос звучит тише, чем я хотела. — М-м? — он даже не поднимает головы. — Как дела на работе? — глупый, дежурный вопрос вырвался сам собой, лишь бы начать. Он наконец посмотрел на меня. Взгляд был усталым, отстраненным, будто я оторвала его от чего-то очень важного. — С чего вдруг интерес? Обычно тебя мои дела не волнуют.

— Прости, у меня действительно и других забот полно, но вот еще хотела спросить тебя по бизнесу... В одном из моих салонов проблемы... В другом — сегодня были проблемы с поставкой, пришлось самой разбираться... Марина мне кажется не тянет, не справляется. Если тебе с ними совсем некогда возиться, может, я вернусь к своим обязанностям? Найду другую управляющую.

Роман медленно снимает очки. Его лицо становится внимательным и настороженным. — Кто это сказал, Ника? С чего ты взяла что я не справляюсь? Что вообще за внезапные разборки? Днем — тишина, а ночью — претензии? Какая муха тебя укусила?

Муха по имени Софья Васнецова...

Но я молчу.

В его словах звучит раздражение, готовое вот-вот перерасти в гнев. Раньше оно заставляло меня отступать. Сегодня — оцепенеть но продолжить.

— Это не внезапно, — проговорила чуть дрожащим голосом. Сделала шаг ближе. — Ты совсем забросил мое дело, Роман. Ты убедил меня отдать все под твое крыло, когда я была без сил. А теперь там запустение. Хорошо, еще я хотела спросить про “Туманное утро”. Ты ездешь туда очень часто, даже слишком. Там тоже проблемы?

Последнюю фразу выдыхаю почти шепотом. Воздух в комнате, кажется, загустел и наэлектризовался. Муж не отвечает сразу. Поднялся, подошел к своему бюро, сделал вид, что поправляет стопку документов. Спина его напряжена.

— Что за странные вопросы, Ника? — его голос становится низким, глухим. — Ты же сама знаешь, сколько я вложил в этот комплекс. Там постоянно что-то нужно решать. Инфраструктура, персонал, прием важных гостей. И вообще... — он обернулся, и в его глазах я увидела не вину, а досаду и усталую оборону, — мне там хорошо. Тишина. Природа. Баня после тяжелого дня. Разве это преступление?

— Нет, — тихо сказала я. — Не преступление. Но пока ты отдыхаешь в бане, здесь рушится все, что я когда-то строила. Мои салоны загибаются. И я... я не понимаю, что происходит.

— И я не понимаю, откуда на меня такой шквал! — он повысил голос, сделав резкий шаг в мою сторону. — Тебе что, скучно? Хочется поругаться на ночь глядя? У тебя ПМС, что ли? Или детишек мало? — это было низко. Он знал, что было низко. Его глаза мельком блеснули чем-то вроде сожаления, но он не взял слова назад. — Мне завтра встать в шесть. Встреча с партнерами. Крупнейший заказ за этот год. Мне нужна голова на плечах, а не ночной разбор полетов!

Мы стояли друг против друга, я смотрела на него, и во рту был горький вкус пепла. Он уходил в глухую оборону. Переводил все в истерику, в гормоны, в женские капризы. Самый простой способ не отвечать на вопросы.

— Хорошо, — произнесла я совершенно бесцветным тоном. Все внутри обледенело. — Прости, что потревожила. Спокойной ночи.

Повернулась и вышла, тихо прикрыв за собой дверь в свою комнату. Прислонилась спиной к холодной деревянной поверхности и закрыла глаза. В ушах гудело. Роман лишь отмахнулся от моих тревог. Тишина снова сомкнулась вокруг.

Глава 5

В шесть утра дверь моей спальни с скрипнула, и в щель просунулась сначала взерошенная голова, а потом и вся небольшая, теплая фигурка четырехлетнего Пети.

— Мамочка, я проснулся! — прошептал малыш и через секунду уже устроился у меня под боком, пахнувший детским сном и нежной кожей. Я обняла сынишку, подумав что вот оно — счастье. Самое главное в жизни. Мне стало так хорошо...

Роман придерживался правила, что дети должны спать в своих кроватках. Но я часто брала Петю к себе с самого грудного возраста. Знаю, что это неправильно. Мы часто спорили об этом с мужем. Сейчас Петру уже четыре, но он часто по утрам приходит ко мне и это для меня самые сладкие мгновения.

— Давай еще поспим, мой хороший.

Но вскоре в спальне раздался цокот — Рекс тоже обожал приходить ко мне. Короткие, быстрые лапки зацокали по паркету — знакомый, суетливый стук. Мой любимец — рыжий корги, похожий на ушастый каравай с умными глазами, встал задними лапами на кровать и принялся настойчиво тыкать холодным носом в мою ладонь, требуя внимания.

Рекс появился у нас год назад. Я приехала в ветеринарную клинику с котом Маркизом, а хозяева Рекса привезли его на усыпление... Я как услышала их разговор с врачом — мне стало плохо! Как можно так поступать с животными?!

— Мы переезжаем в другую страну и на улице ему будет куда хуже. А так он ничего не почувствует, правда? — тараторила худощавая блондинка.

Я посмотрела в умные глаза пса и мне показалось что в них стоят слезы.

— Пристроить, увы, не получилось. Ему уже семь, он старый...

— Я заберу собаку, — вырвалось у меня.

Я даже не думала. Просто решила и все.

И этот питомец стал мне верным другом, любимцем. Роману конечно это не понравилось. — Я хотел взять породистого щенка, а это что? Он старый, Ника! Будут сплошные расходы на лекарства и ветеринаров!

— Не такие уж большие это расходы, Ром. Мы их можем себе позволить. Считай это моя прихоть. Я не прошу бриллианты и прочее...

— Ну да, для тебя не большие, ты же дома сидишь, не работаешь! — психанул муж.

Меня тогда его слова больно задело. Я не работаю, да, но весь дом на мне. А бизнес, который я создала заново в его родном городе, он сам взял на себя. Настаивал, что так будет лучше. Бизнес, который приносил доход. Но теперь вся выручка шла на расчетный счет Романа. Изначально обсуждалось, что мы создадим общий, но что-то пошло не так, или было не до этого... Я не вникала, если честно, загруженная бытом и маленьким ребенком. Не было тогда для меня ничего важнее Петеньки.

Рекс стал для меня очень преданным другом. Умный, ласковый пес. Он так радовался, когда я приходила домой, преданно приносил мне тапки и каждое утро будил вот этим своим нетерпеливым, цокающим топотом.

— Рекс, тихо, — автоматически прошептала, проводя рукой по его жесткой шерсти. Пес тут же улегся возле тапок, вздохнув.

Мы еще немного подремали втроем, но надо было уже потихонечку включаться в новый день.

Уже слышался очередной спор Алисы и Артема — на этот раз из-за планшета или чего-то столь же жизненно важного в детской вселенной. Зевнув, я осторожно выбралась из-под теплого бока сына, накинула халат.

Вышла из комнаты и Рекс тут же последовал за мной по пятам, верный, как тень.

Внизу, на кухне, уже громко шумела кофемашина. Дом оживал, наполнялся привычными, бытовыми звуками.

— Мам, а папа уже уехал? — спросила Алиса недовольна.

— Доброе утло, мамочка, — появился рядом Петя, потирая глаза кулачком. — Хочу кушать.

— Уехал, Вероника Андреевна, — подтвердила повариха, — выглядывая из кухни. — А Лиза написала что заболела и на работу не выйдет. Опять все на мне... И на вас.

— Как вы себя чувствуете, Галина Ивановна? Я не была уверена что вы сможете выйти на работу.

— Гораздо лучше, спасибо вам огромное, за понимание! Вчера отлежалась и как огурчик.

— Ну и славно. Пойдем, Петенька, умоемся.

Я повела сына в ванную, Рекс за нами. Все было на автопилоте. Привела себя в порядок, помогла Галине Ивановне накрыть на стол.

— Ма-а-ам! — подбежала Алиса. — Артем опять взял мой планшет! — Самой бы планшет в голову вставить! — крикнул проходящий мимо Артем.

— Прекратите. Можно хотя бы с утра не ссориться?

“Встреча с партнерами. Крупный заказ”, — пронеслись в голове вчерашние слова Романа. Правда ли это? Или просто предлог, чтобы избежать утреннего столкновения взглядами за этим самым столом?

— Мамочка, смотли, Муся пописал мимо! — закричал Петя, тыча пальцем в Маркиза. Дымчатый кот виновато жался к стене.

— Я уберу, Вероника Андреевна! — Галина Ивановна сразу схватила тряпку.

— Всем завтракать! Алиса, собери волосы! Артем, если через пять минут не будешь тут — останешься без завтрака вообще! — расставляю все по местам.

Налила детям свежесжатый апельсиновый сок, поджарила тосты, разложила по тарелкам овсянку. Руки делали свое дело, а мысли все крутились вокруг вчерашней встречи с Софьей.

— Мам, я не хочу овсянку! Мне не пять лет! — возмущается Алиса.

— Пару ложек, для желудка.

— А чего отец так рано уехал? — с набитым ртом спросил Артем.

— По работе, так нужно видимо.

— Даже не мог позавтракать с нами?

— Я не знаю, Артем, — но у меня в голове те же вопросы. — Опять, — в голосе девятилетней Алисы прозвучала недетская усталость и понимание. Всего одно слово, но оно впилося в сердце как шип.

Артем молча продолжил уплетать яичницу, уткнувшись в телефон.

Глава 6

Мне бы стало гораздо легче, если бы могла например поговорит с подругой. У меня одна такая — Лерчик. Всегда жизнерадостная, веселая. С ней можно поделиться чем угодно и она всегда поддержит. Чтобы ее здоровый, слегка циничный смех продезинфицировал рану.

Но Лерчик укатила с любовником в Сочи. Единственная, кто поймет меня с полуслова, занята тем, чтобы ловить солнце и целоваться под пальмами. На самом деле я очень за нее рада. Архитектор Игнат занял все мысли и сердце подружки. Он моложе ее на пять лет, но она ничуть не переживает по этому поводу. Меня очень радуют присылаемые солнечные фото с набережной, где подружка смеется, запрокинув голову, в огромной шляпе. Но заставляют в то же время задуматься — а как давно мы с Романом были в отпуске?

Беру телефон, открываю наш с Лерой чат. Последнее мое сообщение:

Как ты там?

В ответ — яркое селфи с мороженым и подписью:

Таю, как это эскимо. Скучаю!

Машинально ставлю лайк и пишу:

Красота! Наслаждайся!

Дальше начинаю писать о встрече с Софьей... Но каждый раз стираю.

По телефону не объяснить, нет...

И звонить... Врываться в романтический настрой... Нет, это слишком эгоистично. Откладываю телефон, массирую виски, на которые сейчас давит чувство одиночества. Откуда оно в доме который никогда не бывает пустым. Да, Алиса и Артем унеслись на учебу, но дома Петя с няней Татьяной, Галина Ивановна, собаки и коты.

И куча дел.

Звонок в домофон отвлекает меня от меланхолии.

— Добрый день. Это кровельщик, Юрий. Мы договаривались.

— Очень хорошо, здравствуйте. Заходите, пожалуйста, я вас проведу.

Мужчина лет пятидесяти, коренастый, с усталым, но доброжелательным лицом. В руках — папка из дорогой кожи.

— Я пока только оценить фронт работ, так сказать. У меня бригада. Показывайте где проблема, хозяйка. Веду его к гостевому дому. Мы с Романом в шутку называли это место «покоями для тещи». На полу у песочно-бежевой стены стоял эмалированный таз, в который с едва слышным, но методичным *кап-кап* падали холодные капли. На обоях над ним расплозалось предательское бурое пятно.

Юрий молча осмотрел стену, потрогал штукатурку. Потом полез на приставную лестницу, на крышу.

— Ваша кровля цела. Беда в водосточной трубе. Засорилась, видимо, листвой. Вода пошла по стене, под обшивку, и вот результат — мокнет внутри. Разбирать часть фасада придется, чтобы прочистить и проверить утеплитель. И стену сушить, и ремонтировать.

— Сколько времени это займет?

— Надо заказать материал для обшивки. А так — работы на один день, но сушить надо минимум двое суток хорошим тепловентилятором, потом шпаклевка, грунтовка, покраска... Без пыли и грязи не обойдется, предупреждаю. Я сегодня замеры сделаю, список материалов составлю. Закупимся и можно начинать. Предоплата — как обычно, тридцать процентов от сметы.

— Хорошо, — киваю. — Я готова доплатить за быстроту.

— Отлично договорились, — кивает довольно Юрий.

Провожая его до ворот, договариваемся начать завтра утром. Прощаемся и звонит телефон — Марина.

— Алло? — Вероника Алексеевна, простите, что беспокою... — голос управляющей звучит сдавленно, на грани слез. — Тут пришла бумага из налоговой. . — Какая бумага? Конкретнее, Марина. — Штраф. Крупный, За несвоевременную сдачу отчетов за третий квартал. И пени. Сумма большая. Не понимаю, как так вышло. Мы же все сдавали! Я лично отправляла! Бухгалтера нового посоветовал Роман Сергеевич, когда его личный заболел, а надо было срочно. Валентина Олеговна, она говорила, что все отлично сделала! Была все время на связи, а сейчас не отвечает!

— Сумма? — спрашиваю я ровным, металлическим голосом.

— Четыреста семьдесят тысяч, — прошептала Марина. — И еще пени... около тридцати. Пятисот тысяч. Почти полмиллиона. Просто кошмар!

Закрываю глаза. Перед ними плывут цифры: оборот салона, текущие расходы, зарплата мастеров, этот чудовищный штраф...

— Марина, — мой голос к удивлению, прозвучал жестко и четко. — Успокойся. Слезами делу не поможешь. У тебя на руках копия уведомления?

— Д-да, сканировала, могу скинуть.

— Присылай. Сейчас же. И все, что у тебя есть по отчетам за третий квартал: все ваши черновики, подтверждения отправки, переписку с бухгалтером. Все. — Хорошо... Вероника Алексеевна, простите, я так... — Сейчас не время для извинений, — отрезаю. — Твоя задача — собрать все документы. Я разберусь.

— Больше никаких решений без моего ведома. Никаких. Даже если позвонит сам Облонский и будет что-то приказывать. Поняла? В трубке повисла тишина.

— Поняла, — тихо, но четко сказала Марина. — Только вам.

Я положила трубку. Руки стали ледяными. Пора возвращаться к управлению салонами. Главное, чтобы не было слишком поздно. Почему, Рома? Как ты мог быть настолько беспечен? Ты же сказал что возьмешь все на себя, чтобы я не волновалась...

Холодный, методичный гнев — вот что двигает мной сейчас. Страх и паника отступили, уступив место чему-то более твердому и опасному. Штраф в полмиллиона повис дамокловым мечом. И первым делом нужно было понять, как это случилось. Набираю номер Романа. Он сбрасывает вызов после второго гудка. Второй раз — сразу пошел на голосовую.

Занят. Важно. Встреча

Хорошо, поговорим позже — чувствую, как внутри что-то закипает, переходя в стадию холодного пара.

Глава 7

Нахожу номер Лены Сомовой. Она была моим бухгалтером, но когда салонами занялся Роман она быстро уволилась. Я тогда не стала вникать в подробности. Роман сказал, что у Лены семейные обстоятельства. Она очень умная, педантичная, с очень сильным упертым характе-

ром. Как мне было жаль что она ушла! Но я тогда очень страдала от лактостаза, не было у меня сил на уговоры и выяснения, почему так получилось.

Слушаю долгие гудки, уже ни на что не надеюсь...

— Алло? — голос Лены такой же, каким я его запомнила: низкий, спокойный, без эмоциональных вибраций. — Лена, привет, это Ника Облонская. Прости, что отрываю... — Ника? — в голосе мелькнуло удивление. — Привет. Как дела?

— Да вот не очень, — сразу беру быка за рога. — Штраф из налоговой на полмиллиона, Лен. Я не могу понять как это получилось!

— А ты еще не вернулась к управлению?

— Увы... После твоего ухода Роман нашел бухгалтера, и, похоже, не очень профессионального. Я сейчас пытаюсь разобраться в хаосе. Мне нужна помощь.

Вышло сумбурно, неловко. На том конце провода повисла тишина.

— Ник, а от меня ты что хочешь? Я оставила дела салонов в идеальном состоянии. Передала их твоему мужу.

— Разумеется, это я знаю. Я просто подумала, может ты могла бы мне помочь. Ну не знаю, может обстоятельства по которым ты ушла — изменились.

— Нет, не изменились, Ник. Мне жаль, что у тебя неприятности. Но я сейчас не ищу новых клиентов. У меня и так достаточно.

— Послушай, Лен, я понимаю, что ты занята, у тебя другие клиенты. Но это правда очень серьезно. Помогите, пожалуйста! Я только тебе доверяю и готова оплатить твои часы самому высокому тарифу. Мне нужен кто-то, кому я могу доверять полностью.

— Дело не в деньгах, — перебивает Лена. — Я вообще-то не сама ушла от вас. Меня уволил Роман Сергеевич. Сказал, что “оптимизирует расходы” и приводит свою команду. Попросил передать все дела. Мы, короче, не сошлись с ним во взглядах на эту оптимизацию. Я попробовала тебе позвонить — но ты тогда по уши в ребенке была. На тебя обиды не держу, Ник. Но с мужем твоим не хочу взаимодействовать, уж прости.

Такое ощущение что пол поплыл под ногами, а мир накренился.

Роман так сожалел, что Лена не может остаться! И при этом сам же ее уволил? Причем даже не посоветовался со мной? Что за оптимизация? Откуда столько лжи? Кому я вообще могу верить?

— Лен, это правда? Он... сказал мне совершенно иное, — собственный голос показался мне чужим, сдавленным. — А зачем мне лгать? Насолить Роману? В чем профит, как считаешь? Я не собираюсь к вам возвращаться. Вообще не было желания даже на звонок отвечать, если честно. Твой муж не просто уволил меня, Ник. Он сделал это так, что я до сих пор помню. Было унижительно. Он заявил что мои методы работы устарели для растущего бизнеса. И дал нескольким моим клиентам очень негативную характеристику. Дело конечно прошлое. Но уж прости, осадочек остался. — Лена сделала паузу. — Мне тогда было очень неприятно. И обидно.

Во рту пересохло. Я сглотнула ком, вставший в горле. — Лена, я ничего не знала. Клянусь. Я была не в себе тогда. Все валилось из рук. Роман взял все на себя. Я подумала, так и правда будет лучше. Верила ему.

— Он же твой муж, — вздыхает Лена устало. — Поэтому я и говорю — не получится. Не хочу я в семейные разборки влезать. И рекомендовать не могу коллег. Разве что тех кому зла желаю. Потому что твой муж врет! Оставляет среди бизнесменов негативные лживые отзывы! Не могу я никого так подставлять! Ну и сама точно не хочу снова иметь дело с Облонским. У меня достаточно клиентов, репутация.

— Хорошо... Спасибо что хотя бы на звонок ответила.

— Вы не разводитесь? — внезапно резко спрашивает Лена.

— С чего ты взяла?! — вот теперь начинаю на нее злиться!

— Да нет, просто. Извини меня, Ник, что не смогла помочь. Всего тебе хорошего. Найди просто нового человека, который не работал с Облонским.

— Спасибо за совет, — цежу сквозь зубы.

Лена сбрасывает звонок, а я сижу, сжимая телефон в потной ладони, и чувствую, как ярость поднимается по позвоночнику холодной, неудержимой волной. Почему открывается столько лжи, Роман? И что еще всплывет? Я даже забыла про Софью и ее рассказы про измену!

Снова набираю номер мужа. Аппарат абонента выключен. Швыряю телефон на диван, рычу в ладони от бессилия и усталости. А потом делаю глубокий вдох. У меня нет времени на истерики. Надо действовать.

Вспоминаю, что Лерчик рассказывала про хорошего специалиста. Заставила записать телефон. Инга Валерьевна. Нахожу в телефоне номер, набираю. Объясняю ситуацию сжато, без эмоций.

— Хорошо, Вероника Алексеевна, — отвечает бухгалтер спокойно. — Присылайте все, что есть по штрафу. И все отчеты, что сможете найти. Я изучу. Постараюсь поставить ваше дело в приоритет.

— Спасибо огромное! Я заплачу сколько скажете!

Не успеваю попрощаться — звонит домофон. Кого там еще принесла нелегкая?

Глава 8

Сердце, и так колотящееся от адреналина, бешено застучало где-то в горле. Кого черт принес в этот час? Неужели кровельщик вернулся?

Горничной еще как назло нет а значит открывать мне самой. Смотрю на экран домофона и весь воздух из легких вырывается разом. На черно-белом изображении, под зонтиком цвета мокрого асфальта, стоит мать Романа. Позади — видимо таксист, обвешанный чемоданами.

Ольга Викторовна Облонская. Мы ждали ее только через неделю.

Механически нажимаю кнопку открытия ворот. Ноги становятся ватными.

Хотя мать Романа обожает сваливаться на голову без предупреждения. Пора бы уже и привыкнуть — вот только у меня не получалось.

Направляюсь к входной двери, нацепив на лицо дежурную улыбку.

Дверь открывается без стука. Ольга Викторовна царственно вливается в холл.

Французский бульдог Бетти, любимица мужа, заливается лаем. Ей вторит Рекс. Коты шипят. Почему-то животные в нашем доме не любят маму Романа.

— Ольга Викторовна? — голос мой звучит приглушенно, — Добро пожаловать. Бетти, Рекс, хватит! Вы же видите, что свои! — рычу на собак.

Женщина медленно снимает перчатки, не сводя с меня холодного, оценивающего взгляда. Ее глаза оценивающе скользят по моему лицу, по растрепанным волосам и просторному домашнему кардигану.

— Вижу, не ждали? — в ровном, отшлифованном голосе свекрови нет ни капли тепла. Лишь констатация.

— Если честно, не сегодня, — вырывается у меня с какой-то глупой, ненужной прямоотой.

Уголки ее тонких, подведенных темно-вишневой помадой губ дрогнули в подобии улыбки.

— Какое прелестное приветствие, Вероника. Ну хоть честно.

Она делает едва заметную паузу перед моим именем.

— Я предпочитаю просто Ника, вы же в курсе, — не удерживаюсь, правда терпеть не могу свое полное имя. Чувствуя, что краснею.

— Как скажешь, дорогая, — Ольга Викторовна пренебрежительно махнула рукой, как отмахиваются от назойливой мухи. Ее взгляд скользнул за мою спину, вглубь дома. — Иван Петрович? Добрый день, наконец то. Багаж в мой дом, пожалуйста.

Я обернулась. Садовник Иван, очень бодрый и услужливый мужчина пятидесяти пяти лет, очень любит Ольгу Викторовну. Видимо он услышал ее голос, или увидел появление и прошел через кухню — короткий путь.

— Добро пожаловать, хозяйка.

— Спасибо, Иван.

Водитель такси, все это время мнущийся на пороге у чемоданов, передает Ивану два полегче:

— Помогу, — буркает.

— Тогда за мной, — и мужчины удаляются.

Судя по количеству вещей — Ольга Викторовна не на пару дней приехала. А я все не решу как ей рассказать про текущую крышу. Начинает сильно болеть голова.

Проводив багаж взглядом, Ольга Викторовна делает несколько шагов по холлу, оглядывается.

— А мы чего стоим, Ника? — кивает на две оставшихся сумки. Одна — на колесиках, другая — шляпница.

Подхватываю сумки, потому что свекровь уже рванула в сторону кухни — там выход в сад и короткая дорога до гостевого дома.

Мешают собаки, им же надо раньше меня выскочить. Так что пока я мешкаю — Ольга Викторовна уже доходит до своей любимой обители.

В холле она крутит головой, морщит нос, вдыхая воздух, будто сомелье, пробующий прокисшее вино. Ее тонкий, прямой нос чуть вздрагивает.

— В доме, — произнесла она с ледяной отчетливостью, — пахнет сыростью. И запустением. Это так вы меня ждали, Вероника?

Каждое слово кажется ударом хлыста. Сжимаю кулаки в карманах кардигана, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— К сожалению, я только на днях обнаружила, что течет крыша, — отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал ровно, по-деловому. — Я уже обо всем договорилась с мастером. Завтра начнем ремонт. Никакого запустения нет, просто небольшой бытовой казус. Конечно мы вас ждали, Ольга Викторовна. Роман будет очень рад. Вы пока можете пожить в главном доме, в гостевой...

— Это просто невероятно! — достает телефон.

Гудки. Гудки. Гудки.

Она конечно же звонит сыну, но ей везет не больше моего — Роман не отвечает.

— Где мой сын? Мало того что не встретил, еще и трубку не берет!

— Думаю, у него срочные переговоры. Он уехал очень рано. Я тоже не могу до него дозвониться.

— Позвони ему. Скажи, что мать приехала.

Я уверена что дело безрезультатное, но послушно набираю.

Чувствую, как по спине бегут мурашки. Меня потряхивает. Может, заболела?

Абонент недоступен...

— Он отключил телефон. Наверное на работе все серьезно. Я не хочу его тревожить...

— По пустякам? — добавляет за меня свекровь язвительно.

— Я этого не говорила, конечно же нет.

Ольга Викторовна медленно, с театральным разочарованием, качает головой. Драгоценные серьги-капли холодно блестят в свете люстры.

— Иван Петрович! Несите сумки обратно! — командует.

И я только в этот момент вспоминаю про мужчин. Они стоят в сторонке и наблюдают за нами.

— Вот так, — поворачивается ко мне и произносит тихо Ольга Викторовна, но так, что каждое слово отпечатывается в моей голове. — Вот так и теряют мужей, Вероника. О чем ты думаешь? В каких облаках витаешь? Мой сын тебя полностью обеспечивает. А ты даже в

доме порядок навести не можешь! Про мужа ничего не знаешь! Какие-то переговоры! Уму непостижимо!

Она не ждет ответа. Разворачивается и уходит, не оглядываясь, обратно. Каблуки ее стильных сапог отстукивают четкий, неумолимый марш. Мужчины следуют за ней как свита. Я же замираю в прихожей гостевого дома, вдыхая воздух, который теперь пропитан не только запахом сырости, но и холодным ароматом ее духов и безжалостного осуждения. Последняя фраза свекрови повисла в воздухе, как приговор.

Глава 9

Роман так дома и не появляется, но прислал и мне и матери по смс — неслыханная щедрость! Я дико злюсь на мужа, и уже готова сама рвануть в “Туманное утро” и расставить все точки... Узнать правду, и не знаю что еще. Все так стремительно, что анализировать я не успеваю, а Ольга Викторовна не дает расслабиться никому ни на секунду. Руководит приготовлением ужина, попутно записывая бесконечные голосовые — сыну, подругам и личному стилисту.

В итоге ужин в столовой напоминает не семейную трапезу, а дипломатический прием в условиях кризиса. Стол накрыт безупречно — Галина Ивановна, вернувшаяся к обязанностям, постаралась на славу, но каждое блюдо кажется мне теперь не едой, а потенциальной мишенью для критики.

Ольга Викторовна занимает место во главе стола, обычно там сидит Роман.

С прямой, негнущейся спиной, восседает словно проглотила аршин. Ее присутствие наэлектризовывает воздух. Алиса, чуткая как барометр, ест молча, стараясь не привлекать внимания. Петр, не ведающий о подводных течениях, капризничает, болтает ногами под стулом.

Трогаю лоб сына — кажется, температура...

— Картофель недосолен, — заявляет Ольга Викторовна, отодвигая тарелку на полсантиметра. — И немного суховато. Вы птицу вчера купили, Вероника?

— Нет, сегодня утром, — выдавила я, чувствуя, как закипаю изнутри.

— Странно. На вкус — вчерашняя. В Париже, в маленьком бистро на Рю Муфтар...

Ее кулинарные воспоминания прерывает Петя. Он указывает ложкой на бабушку:

— Птичка! — показывает на брошь в виде колибри с бриллиантовыми глазками. — Мама, я хочу птичку!

Ольга Викторовна скупно улыбается:

— Это не птичка, Петр. Это колибри. Драгоценная. И указывать на людей ложкой — невоспитанно.

— Класивая, — не смутился малыш. — Мама, можно ее мне?

— Нет, милый, это бабушкино украшение. Мы купим тебе другую, завтра.

— Алиса, — переключает Ольга Викторовна внимание. — Что я тебе говорила про осанку, помнишь? Девочка из хорошей семьи не горбится над тарелкой, как крестьянка над корытом. И волосы. Они лезут тебе в глаза.

Алиса мгновенно выпрямилась и откинула со лба непослушную прядь, покраснев до корней волос. Я видела, как ее глаза наполнились слезами унижения.

— Ольга Викторовна, может быть поговорим про осанку после ужина, — не выдерживаю.

— Воспитание, Вероника, редко бывает “удобным”.

В этот момент в столовую заходит Артем.

— Извините что опоздал, — бурчит и садится на свое место. — Рад видеть, бабушка.

И тут с Ольгой Викторовной происходит магия. Ее лицо озаряется не просто теплом — настоящей, искренней улыбкой.

— Как дела, милый? — ее голос потерял металлические нотки, стал почти бархатным. — Как дела? Как учеба? Выглядишь уставшим. Не перегружают ли тебя в лицее?

— Все нормально, — буркает, но в его тоне нет привычной грубости.

— «Нормально» — это не ответ. Ты растешь, тебе нужно правильно питаться и хорошо отдыхать. Вероника, вы не даете ему дополнительный комплекс витаминов? Мальчику в шестнадцать лет необходим цинк и магний.

— Даю, — солгала я, понятия не имея о каких витаминах идет речь.

— Вот и славно. Артюша, а как твоя мама? Получал от нее весточки? — этот вопрос задан с легким, едва уловимым уколом в мою сторону. Ольга Викторовна всегда ставит мне в пример первую жену Романа, я уже давно привыкла и смирилась, это ее фишка. Она всегда демонстративно поддерживала связь с первой невесткой, считая ее “жертвой обстоятельств”.

— Присылала открытку с Бали, — Артем пожал плечами, но я заметила, как он выпрямился под ее вниманием. Для него она была единственным взрослым, который относился к нему не как к проблемному подростку, а как к законному наследнику рода Облонских. И он ценил это.

— Бали... — Ольга Викторовна вздохнула. — Экзотика. Но для культурного развития, лучше бы она тебя в прошлом месяце в Флоренцию взяла, как обещала. Впрочем, еще будет время.

Она отвернулась от Артема, и ее взгляд снова стал ледяным, когда упал на меня.

— Итак. Роман. На переговорах. И «отключил телефон». Вероника, я не глупая женщина. И я не люблю, когда мне лгут в лицо. Что происходит в моем доме?

Под столом я вцепилась руками в колени. «В моем доме». Не в нашем. В ее. Все дети смотрели на меня. Даже Петр затих, чувствуя грозовую напряженность.

— Все, что происходит, Ольга Викторовна, — я произнесла каждое слово с усилием, — это рабочие моменты и бытовые проблемы, которые я решаю. Как и всегда. Роман занят большим проектом. И вам не кажется что не стоит в любом случае поднимать эту тему при детях?

Свекровь долго смотрит на меня, и в ее взгляде читается презрительное сожаление. Как будто она видит перед собой слабое, нерадивое существо, которое не смогло удержать то, что ей доверили.

— Да, мне так кажется, Вероника, но после ужина у меня свидание с поклонником. Так что увы, нет времени выбирать время, — явно ехидничает. — Очень надеюсь, что все так как ты сказала. И это просто работа. Во всех смыслах. Артюша, идем, я привезла тебе кое-что из Милана.

Она поднимается из-за стола, и Артем, бросив на меня быстрый, нечитаемый взгляд, следует за ней. Алиса выглядит очень расстроенной. В ее возрасте очень тяжело сознавать что бабушка любит куда больше сводного брата. Петя лезет к ней, начинает гладить по голове, Лиска ему улыбается.

— Мам, он горячий.

— Да, сейчас пойдем мерить температуру.

Глава 10

Дальше меня ждала бессонная ночь, температура у сына росла. Я ужасно переживала, делала обтирания, потом дала жаропонижающее и постоянно мерила температуру.

Меня убивало, что не могу связаться с мужем. Абонент по-прежнему был недоступен.

Я открыла браузер и с нервной дрожью в пальцах вбила в поиск:

Анна Невская, модель

Чувствовала себя при этом ужасно, ведь сынок болеет, а я...

На экране застыла улыбка — ослепительная, молодая, самодовольная. Анна Невская. Двадцать пять, не больше. Длинные пепельные волосы, холодные серые глаза и пухлые губы. Девица позирует в бикини на фоне бассейна, в бриллиантовых серьгах-подвесках, минимум в три карата. На другом фото — в роскошном номере, перед панорамным окном, обернутая в белый халат. Интерьер очень похож на номер люкс в Туманном утре, дизайн которого лег на мои плечи, и я делала это с огромным вдохновением. И подпись:

Рай

В то время как мой “рай” состоял из детских соплей, протекающей крыши и брошенных на произвол судьбы салонов.

Я заставила себя закрыть браузер и переключиться на Петю.

К утру температура наконец спала, я слушала ровное дыхание сына и наконец смогла хоть на полчаса закрыть глаза. Утром приехал врач, которого я вызвала.

— Ничего серьезного, молодой человек, но горло красное, — послушал легкие, выписал рецепт.

Приехала няня, я оставила сына с ней, вышла на кухню. В глазах — песок, голова тяжелая.

Я застыла возле кухонного окна, сжимая в руках чашку с остывшим кофе. Тело ныло от бессонной ночи, но голове — странная ясность. Четко и безжалостно, вставляли два факта:

Мой сын заболел, его температура зашкаливала, он бредил и звал отца.

Роман не позвонил. Не ответил. Не появился, хотя я написала ему смс о том, что Пете очень плохо. Без подробностей...

Никакие переговоры, никакой крупный заказ не перевешивали этого. Даже если бы мир рушился, настоящий мужчина, настоящий отец, нашел бы две минуты, чтобы узнать, как его ребенок.

За стеклом был тот же серый, слякотный день, что и вчера. Внутри что-то переломилось. Страх, растерянность, желание спрятать голову в песок — все это выгорело за ночь. Осталось холодное, твердое понимание.

Ярость выдохлась. Теперь я хотела ответов. Не для скандала. Для себя. Чтобы знать, в какой реальности я живу.

Я посмотрела на телефон. Нет, я не буду больше звонить Роману. Не буду писать унижительные сообщения:

Петя болел, где ты?

Отпиваю еще глоток горького, холодного кофе. Потом ставлю чашку в раковину.

Значит, мне придется пойти туда, где он теперь проводит свое время.

Первым делом нужно было убедиться, что Пете действительно лучше, дать наставления Светлане, его няне. Потом — принять душ, смыв с себя следы ночной бессонницы. А затем я поеду в Туманное утро, хотя я всегда считала себя той, кто выше таких вот “слежек” за мужем. Не понимала таких женщин... И вот стала одной из них.

Решение принесло не покой, но странное, ледяное облегчение. Наконец-то появился план. Действие. Вместо бесконечного ожидания и мучительных догадок.

Мы купили старую турбазу, когда Алисе исполнилось три года. Планы были грандиозные и все воплотилось в реальность. Мы очень старались. Я во всем помогала Роману. Рисовала эскизы интерьеров, выбирала ткани для штор, придумывала концепцию спа и названия блюд в ресторане. Роман занимался финансами и инфраструктурой. Потом я все больше окуналась в быт, дом огромный, все время какие-то заботы. Потом появился Петя, и я совсем отстранилась, даже от собственного детища — салонов.

Роман забрал все под свой контроль.

Дорога заняла чуть больше часа. Осенний лес по бокам от трассы был великолепен — багряный, золотой, медный. А внутри у меня все было серым и выжженным. Я проехала через знакомые кованые ворота, мимо сторожки. Охранник, новый, меня не узнал, но, проверив по списку (мое имя, как выяснилось, все еще числилось в списке владельцев), почтительно пропустил. Дорога вилась между соснами, открывая фрагменты того самого спа-комплекса: стеклянные стены бассейна, деревянные террасы, крыши отдельных шале.

Я припарковалась не у главного входа в ресепшн, а сбоку, на небольшой площадке у служебного входа. Мой ключ-карта от служебных помещений, завалившаяся в бардачке еще с прошлого года, к моему удивлению, сработала. Тихо, на цыпочках, я прошла по длинному коридору с бельевыми тележками и запахом чистящих средств. Сердце колотилось где-то в горле. Что я здесь делаю? Что рассчитываю увидеть? Неужели и правда готова подняться в тот самый люкс?

Глава 11

— Вероника Алексеевна! — оборачиваюсь резко и вижу управляющую, Алевтину Матвеевну. Она работает в Туманном утре с самого открытия и Роман называет ее своей правой рукой. Очень ответственная женщина. Сейчас в ее взгляде на меня такой шок и испуг, что в голове мелькает мысль — не надо никаких других доказательств, этого вполне достаточно.

— Я напугала вас, Алевтина Матвеевна? — спрашиваю холодно. — Что вас так сильно удивило?

— Да нет, ничего. Просто вас давно не было...

— Домашние заботы, да. Но вот выбралась. Что Роман Сергеевич? Он же здесь сейчас. Хочу сюрприз ему сделать, — говорю максимально расслабленно и непринужденно — а лицо моей собеседницы при этом покрывается красными пятнами.

— Он... Он.

— Что с вами? Вам плохо? — делаю шаг вперед, и она инстинктивно отступает. — Да, голова кружится немного... Вероника Алексеевна, может, в мой кабинет? Я чайку предложу... — Роман в люксе, полагаю? Я сама найду. — Пожалуйста, не надо! — ее шепот срывается в визгливую нотку, но я уже не слушаю.

Быстрым шагом направляюсь к лифту. В ушах шумит, а в груди колотится что-то тяжелое и частое. Мне везет, лифт как раз на моем этаже. Захожу, нажимаю кнопку верхнего этажа. Отражение в зеркальных стенах — бледное лицо, слишком широко открытые глаза. Я не узнаю себя. Алевтина Матвеевна что-то кричит мне вдогонку — я не вслушиваюсь. Уже не могу остановиться.

Выхожу на верхнем. Здесь даже коридор оформлен с шиком: мягкие ковры, приглушенный свет. Слышу громкий смех своего мужа. Глубокий, бархатный, немного ленивый — тот, что бывает у него после второго бокала виски. Он доносится из-за полуоткрытой двери самого дорогого номера, с камином, гидромассажной ванной на балконе и роскошным видом на озеро. Следом — женский голос. Нежный, звонкий, с легкой хихикающей ноткой.

— Какие они красивые, Рома! Потрясающие серьги! Ты такой щедрый!

— Для тебя, малышка, ничего не жалко. Только не надевай их в бассейн, а то... — А что? Утонут? — веселый смех. — Или ты боишься, что все будут смотреть только на мои уши?

— О да, ты у меня такая красивая, я боюсь, что все будут смотреть на тебя. А мне этого не хочется. Ты только моя.

Я застыла, как вкопанная, прислонившись к прохладной стене. В животе все перевернулось. От их разговора, от тона мужа — собственнического, вкрадчивого, такого, каким он давно не разговаривал со мной. Последние слова, которые я от него слышала утром, были: “Не забудь вызвать мастера по поводу крыши”. Делаю шаг назад. Еще один. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Как он мог? Как он мог так поступить со мной?? Умолял переехать к нему, я все бросила. Он клялся, что не пожалею...

Огромное желание бежать куда глаза глядят. Именно это я делаю — резко разворачиваюсь и почти бегу обратно по коридору, спотыкаюсь о тележку горничной, задохнувшись от боли. Рядом дверь на боковой балкон. Я выскакиваю на него, жадно глотаю холодный воздух, пахнувший хвоей и прелыми листьями. Впадаю в какое-то заторможенно-отрешенное состояние. Все тело дрожит мелкой, неконтролируемой дрожью, как в лихорадке. Обхватываю себя руками, упираясь локтями в перила. Внизу расстилается туман над озером, все тихо, нереально красиво и абсолютно неправильно.

Сначала накатило оцепенение. Какая-то ватная, отрешенная пустота. Я стояла, смотрела в серую даль и не могла связать двух мыслей. *Это происходит не со мной. Это сон. Сейчас я проснусь в своей постели, а Петя будет будить меня...*

А потом, из самой глубины, поднялась волна. Горячая, ослепляющая, ярость. Не грусть, не отчаяние. Чистая, концентрированная злость. Она смыла дрожь, вытеснила тошноту. Она наполнила мышцы свинцовой тяжестью и дала им четкую команду.

Нет. Нет, я не убегу. Я не дам им превратить меня в жертву, которая тихо слиняет, чтобы им не было неловко.

Я даже не помню как оказываюсь снова перед дверью люкса. Залетаю в комнату, но там... Никого! Стою совершенно ошеломленная. Вот так и сходят с ума...

Только валяющееся использованное средство защиты на пушистом ковре сообщает о том, что любовники все же тут были. Сколько времени я провела на балконе???

— Вероника Алексеевна, — раздается за спиной сочувствующий голос. Оборачиваюсь. Горничная, тоже работает у нас давно. С самого открытия. Уже немолодая, трое детей, муж бросил, так что она вынуждена на двух работах корячиться.

— Тамара Михайловна? Здравствуйте, — произношу устало.

— Они в баню пошли... Только не ходите вы туда, родная. Только нервы трепать. Я вот своего так потеряла. Тоже думала, застукаю, пристыжу кобеля, и он как миленький вернется. Ан нет, ушел, да еще и последние деньги прихватил. Только унижение одно.

— Я у вас совета не спрашивала, — осекаю жестко.

— Да, конечно, вы меня простите пожалуйста. Обидеть не хотела. Только поддержать, помочь. Гад ваш Роман Сергеевич конечно, — выпаливает возмущенно и осекается. — Ой, простите...

Закрываю глаза на секунду. От ее простых слов, полных сопереживания, ком в горле становится еще больше.

— Давно у него... с этой Невской? — спрашиваю глухо.

— Уже три месяца из койки не вылезает, — Тамара Михайловна вздыхает, понижает голос. — Номер этот за ней закрепили... Ой, что ж я болтаю-то... Вы только, ради Бога, не говорите, что это я... Работу потеряю. Я смотрю в ее простые, искренние глаза, полные тревоги за себя и непрошенной жалости ко мне. Тошнота усиливается.

— Три месяца, — повторяю беззвучно. Мой мир накренился окончательно, обнажив всю свою уродливую изнанку.

— Вероника Алексеевна, вы простите меня великодушно, — зашептала Тамара Михайловна, виновато опуская глаза. — Не сдержалась. Больно смотреть было, как он... а вы такая... Но вы не думайте, я болтунья! Я никому! Только... только вижу, как вы стоите, вся белая, и

сердце щемит. Не надо тут вам оставаться. Пойдемте, я вас в служебной комнате чаем успокаивающим напою.

Ее простое, неуклюжее сочувствие стало последней каплей. Оно обожгло сильнее, чем любая насмешка. Меня жалела горничная. Женщина, у которой самой жизнь была не сахар, смотрела на меня с такой неподдельной, материнской жалостью, что стало невыносимо стыдно. Стыдно за свою слепоту, за свою доверчивость, за эту позорную роль жертвы, которую теперь все, от управляющей до уборщицы, видят насквозь.

Глава 12

Я резко выпрямляюсь. Слезы, готовые хлынуть, прогоняю обратно, превратив их в ледяной ком в горле.

— Спасибо, Тамара Михайловна, за вашу доброту и заботу, — мой голос звучит четко и сухо, как треск льда. — Чай в другой раз попьем, — и прохожу мимо женщины.

— Вероника Алексеевна, умоляю вас, не ходите туда! — женщина хватается за руку, в ее глазах — настоящий ужас. — Ну что вы там сможете сделать? Только хуже сделаете.

— Это вас не касается, — произношу ледяным тоном, ставя женщину на место.

И ухожу решительно.

— Простите, — летит мне в спину.

Возможно, она не понимает меня. Осуждает. Или даже считает истеричкой которой необходимо устроить мужу скандал. Но нет. Сейчас мне необходимо одно. Мои глаза должны увидеть все сами. Без посторонних рассказов и советов. Чтобы не осталось ни малейшей тени сомнения. Чтобы все мои будущие решения опирались не на сплетни, не на косые взгляды, а на этот уродливый, но железный факт.

Я иду по шикарному коридору, держа спину прямо, пусть даже внутри у меня все переворачивается, накатывает тошнота и головокружение. Мне хорошо знаком план местности. Я могу ориентироваться тут с закрытыми глазами. Банный комплекс — отдельный павильон, нужно соединенный с главным корпусом стеклянной галереей. Финская сауна, хамам, комната отдыха. Стеклопанельные стены галереи открывают вид на осенний лес. Идет дождь, даже слышны раскаты грома. Очень символично. Вот и дверь в банный комплекс. Влажный, пряный жар, смешанный с запахом эвкалиптового масла.

Громкий, легкомысленный, девичий смех.

Я замираю у самого входа в зону отдыха. Мягкий свет, деревянные лежаки, низкий столик с фруктами и бутылкой шампанского во льду.

Мой муж сидит на лежаке в белом банном халате, расстегнутом на груди. Лицо его расслабленное, довольное. Он смотрит на свою любовницу, которая крутится перед ним, показывая свои прелести. На ней лишь купальник, верх от которого она снимает, крутит в руке и кидает в Романа. Оба так заняты этим стриптизом, что не замечают меня. Я — тень. Невидимка. Досадная помеха, или прислуга в его большом доме.

В груди так жжет от ужасного чувства несправедливости, предательства, что кажется сердце сейчас разорвется.

— Я считаю дни до поездки на Мальдивы, Ро-ма-аа, — тянет Невская, отбрасывая лиф купальника, и залезает к моему мужу на колени. Что-то шепчет ему на ухо, закрывая его лицо своими длинными светлыми волосами. В жизни Карина Невская еще красивее, чем на фотографиях. И бесконечно увереннее в своем праве сидеть здесь, рядом с моим мужем.

Я не сделала ни шага вперед. Не закричала, не бросила в них тяжелой пепельницей со столика. Я просто стояла и смотрела. Застыла истуканом, оцепенела. Эта картина кислотой выжигала сетчатку моих глаз.

Муж что-то сказал, Карина звонко рассмеялась, запрокинув голову. И в этот момент его взгляд, скользя по комнате, наткнулся на меня в дверном проеме.

Все произошло за секунду. Расслабленность с его лица спала, как маска. В глазах мелькнуло сначала изумление, затем — быстрое, почти животное раздражение. Не раскаяние. Не ужас. Раздражение! Как от назойливой мухи, влетевшей в самый неподходящий момент.

Он что-то резко сказал девушке. Та обернулась. Ее большие, подведенные глаза расширились, но в них не было ни страха, ни вины. Было холодное, оценивающее любопытство. Карина быстро соскочила с колен Облонского и схватила полотенце. Затем быстро заняла позицию за его спиной — Роман как раз поднялся с шезлонга. Его взгляд, направленный на меня — грозный и недовольный.

— Ника? Ты как здесь оказалась? — спрашивает глухо.

— Ты не брал трубку, решила узнать, вдруг что-то случилось, — отвечаю горько. — Твоя мать приехала внепланово. У Пети всю ночь была температура...

— И вместо того чтобы заниматься текущей крышей и больным сыном, ты сюда приперлась?? Что с тобой, Ника? Это что, гормоны? ПМС или ранний климакс?

— Ты сейчас меня обвиняешь, в том что застала тебя с любовницей?? — не верю своим ушам! У него ни капли раскаяния! Только претензии!

— Прекращай позориться, возвращайся домой и займись своими обязанностями, — жестко приказывает муж. Его лицо окаменело, скулы напряглись, на висках пульсируют вены. Он стискивает ладони в кулаки.

— Я уйду, не волнуйся! Но и запомни — тебя больше не ждут дома! Можешь оставаться тут навсегда!

— Ты охренела? Ты не будешь мне выставлять условия, Ника. Ты — моя жена. Пока еще. Дополнение ко мне. Не более того.

— Жаль я не знала, что ты так считаешь, когда бросала все и уехала за тобой!

— И ты думала что после этого я твой раб вечный? Нет, дорогуша. У меня есть свои приоритеты. И да, ты в них больше неходишь. Посмотри на себя! Из интересной женщины ты давно превратилась в скучную клушу, которая даже не ухаживает за собой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.